

LIKE BOOK. CLASSICS

ЭМИЛИ БРОНТЕ

ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

Москва
2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Emily Jane Brontë
WUTHERING HEIGHTS

Перевод с английского *А. Грызуновой*
Редактор *Б. Грызунов*

Художественное оформление серии *Натальи Никоновой*

В оформлении обложки использована репродукция
картины «The Day Dream» (1880),
художник *Данте Габриэль Россетти* (1828–1882)

Бронте, Эмили.
Б88 Грозовой перевал / Эмили Бронте ; [перевод с англий-
ского А. Грызуновой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-114270-4

Мрачные вересковые пустоши Йоркшира, ледяные ручьи и старые поместья хранят память о роковой любви Хитклифа, приемного сына владельца поместья, и Кэтрин, дочери его хозяина. Эмоциональная, страстная, необузданная любовь — она навсегда изменила жизнь местных обитателей.

В XIX веке роман Эмили Бронте был встречен крайне неоднозначно: кто-то посчитал его лишенным всяческих моральных принципов, кто-то восхищался смелостью автора. Спустя два столетия «Грозовой перевал» стал одним из самых популярных произведений мировой литературы.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Грызунова А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-114270-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава I

Год 1801. Только что возвратился, посетив своего домовладыку — одинокого соседа, коему предстоит тревожить мой покой. Восхитительные здесь края. Во всей, представляется мне, Англии не найдется мест, столь совершенно удаленных от сумятицы общества. Рай мизантропа; и нам с господином Хитклиффом вполне пристало делить подобное уединенье. Превосходный человек! Едва ли он постигал, сколь потеплел я к нему душою, узрев, как черные его глаза подозрительно спрятались под бровями, когда я подгарцевал ближе; как пальцы его с ретивой решимостью глубже погрузились в карманы жилета, когда я представился.

— Господин Хитклифф? — осведомился я.

Кивок был мне ответом.

— Я Локвуд, сэр, ваш новый жилец. Почитаю за честь прибыть немедленно по приезде, дабы выразить надежду, что не затруднил вас, упорствуя в своем намерении арендовать Скворечный Усад, — вчера я слышал, у вас имелись некие соображенья...

— Я, сэр, в Скворечном Усаде хозяин, — перебил он меня, поморщившись. — И затруднить меня затруднительно, если я могу сие предотвратить... входите!

«Входите» он процедил сквозь зубы, имея в виду рекомендовать мне катиться к чертям, и даже ворота, разделявшие нас, слов его не поддержали и не дрогнули; полагаю, однако, что обстоятельства потребовали от меня принять приглашение — человек, являвший замкнутость еще нарочитее моей, пробудил во мне интерес.

Обнаружив, что лошадь моя положительно таранит препону грудью, он соизволил шевельнуть рукою и отворить ворота, первым угрюмо зашагал по мощеной дорожке и, ступив на двор, окликнул:

— Джозеф, уведи лошадь господина Локвуда; да принеси нам вина.

«Иных домочадцев здесь, по видимости, не имеется, — вот какое наблюденье подсказал мне порядок в сем доме. — Нечего и дивиться, что на дорожке меж плит пробивается трава, а изгородь стригут лишь овечьи зубы».

Джозеф был немолод — паче того, престарел, и даже, вероятно, очень стар, однако жилист и крепок.

— Господи помоги! — не без сварливого неудовольствия воззвал он, принимая у меня поводья моей лошади и между тем взирая мне в лицо весьма кисло; милосердие понудило меня предположить, что слуге не обойтись без Божьей помощи в рассуждении пищеваренья, а благочестивый возглас его не имеет касательства к моему внезапному визиту.

Громотевичная Гора — вот как зовется обиталище господина Хитклиффа, говоря же проще — Грозовой Перевал. «Громотевичная» — таким образным манером на местном диалекте описывают атмосферные треволнения, коим в бурную непогоду подвержено сие жилище. Сколь неизменно чист и свеж здесь эфир: о мощи северного ветра, что задует из

за утеса, нетрудно догадаться по крутому наклону редких корявых елей на задах и по веренице чахлах боярышников, что тянут ветви в одну лишь сторону, будто алча солнечной милости. По счастью, архитектору достало дальновидности сложить дом на славу: узкие окна глубоко утопают в стене, а углы укреплены рустами.

У порога я помешкал, залюбовавшись гротесковой резьбой, обильно украшавшей фасад и всего более — парадную дверь, над каковою средь полчищ крошащихся грифонов и бесстыжих младенцев мужеского полу я разглядел дату «1500» и имя «Хэртон Эрншо». Я бы отпустил замечанье-другое и испросил у хмурого владельца краткую историю поместья, однако тот воздвигся в дверях, по видимости, побуждая меня к поспешному вступлению в дом либо срочному отбытию, а я не питал желания приумножать его гнев прежде, нежели осмотрю святая святых.

Первым же делом мы шагнули в семейную гостиную, не предваренную ни прихожей, ни коридором: в здешних местах это помещение главным образом и называют «домом». Обычно тут же располагаются кухня и салон; однако, по моему впечатлению, в Громотевиной Горе кухню оттеснили в иные пределы — по крайней мере, из глубин я уловил болтовню и звон столовых приборов, а в громадном очаге не обнаружил ни малейших признаков жарки, варки или же выпечки и равно не заметил проблесков медных кастрюль и жестяных ковшей по стенам. У одной стены, впрочем, свет и жар замечательно отражались от громадных оловянных блюд, перемежаемых серебряными кувшинами и кружками, что рядами высились на огромном дубовом буфете под

самую крышу. Эта последняя лишена была потолка: вся ее анатомия открывалась пытливому взору, лишь отчасти заслоняемая деревянными балками, кои были обременены овсяными лепешками и гроздьями говяжьих ног, свиных окороков и баранины. Над очагом располагались во множестве грозные старые ружья и пара кавалерийских пистолетов; три размалеванные жестянки, установленные на полке, служили орнаментацией. Пол — гладкого белого камня; стулья — с высокими спинками, грубой работы и выкрашены зеленым; черное кресло-другое таилось в тени. В нише под буфетом лежал громадный пойнтер — сука шоколадного окраса в окружении обильного визжащего помета; в прочих укромных углах хоронились другие собаки.

Сии апартаменты и обстановка прекрасно подошли бы неприязнительному северному фермеру, обладателю упрямой grimасы и крепких рук, что трудится к собственному благу, оных рук не покладая и облачившись в бриджи с подтяжками. Улучив подходящую минуту после обеда, подобную личность в кресле за кружкою пенного эля на круглом столике узришь, прогулявшись меж этих холмов миль на пять или шесть в любую сторону. Однако господин Хитклифф составляет выдающийся контраст своему жилищу и укладу. Лицом он смуглый цыган, нарядом и повадками джентльмен — говоря точнее, джентльменством едва ли уступит многим сельским сквайрам: пожалуй, неопрятен, хотя небрежность его скрадывается чопорной фигурой и красивым сложеньем; к тому же он весьма угрюм. Кое-кто заподозрит в нем, вероятно, нечистокровную заносчивость, но сочувственные струны во мне противятся сему допущенью: я инстинктивно пости-

гаю, что сдержанность его происходит из нежеланья выставить чувства напоказ — обнаруживать взаимную доброту. Он равно склонен любить и ненавидеть скрытно и ответную любовь или же ненависть сочтет проявлением дерзости. Нет, я слишком тороплюсь: чрезмерно щедро наделяю его чертами собственного нрава. Быть может, господина Хитклиффа воздерживаться от рукопожатия при встрече с будущим знакомцем побуждают решительно иные мотивы, нежели движут мною. Оставьте мне надеяться, что склад моего характера едва ли не своеобразен: как говаривала моя дражайшая матушка, не найдется пристанища, где я смогу преклонить главу, и лишь минувшим летом я оказался совершенно подобного пристанища недостоин.

Проводя отрадный погожий месяц на побережье, я волею судьбы очутился в обществе восхитительного создания: она виделась мне подлинной богиней, пока не замечала меня. Вслух я «чувств своих не раскрыл», однако, если б заговорили взоры, даже последний идиот догадался бы, что я влюблен по уши; в конце концов она поняла меня, послала ответный взор — и невозможно было вообразить взора нежнее. Но что же сделал я? Каюсь со стыдом: улиткою забрался холодно в раковину, в ответ на всякий следующий взгляд отступал все холоднее и дальше, пока несчастное невинное дитя не усомнилось в собственном рассудке и, придя в смятение пред лицом якобы ошибки, не убедило свою мать сняться с лагеря. Сия любопытная причуда характера заслужила мне репутацию расчетливой бессердечности, и лишь мне одному ведомо, сколь незаслуженно подобное суждение.

Я сел обок от очага, в углу, противоположном тому, к коему направился мой домовладыка, и за-

полнил повисшую паузу, отважившись погладить собачью мамашу — та бросила своих отпрысков и волчьим манером подбиралась с тыла к моим ногам, задрав губу и голодно роняя слюну с клыков. Моя ласка исторгла из нее продолжительный утробный взрык.

— Не трогали бы вы псину, — в унисон с нею проворчал господин Хитклифф, пинком предотвратив дальнейшие изъятия свирепости. — Ее не балуют и за комнатную собачку не держат, она к такому не привычна. — И затем, шагнув к боковой двери, снова крикнул: — Джозеф!

Джозеф откликнулся невнятным бормотаньем из глубин подпола, однако не выказал намерения подняться, и посему хозяин его низвергся в глубины сам, оставив меня *vis-à-vis* со злобной сукой и парой грозных кудлатых овчарок, кои вместе с нею ревниво стерегли малейшее мое движение. Не желая накоротке познакомиться с их клыками, я сидел неподвижно, однако, решив, что сие трио вряд ли понимает бессловесные оскорбления, принялся, увы, подмигивать им и корчить рожи, а некая перемена моего лица так прогневила мадам, что та внезапно озверела и скакнула мне на колени. Я отпихнул ее и поспешно отгородился столом. Сей поворот разворошил весь улей: к средоточию кутерьмы из разнообразных тайных убежищ восстали полдюжины четвероногих друзей всевозможных размеров и возрастов. Ощущения говорили мне, что атаке подвергаются главным образом мои пятки и фалды; кочергой в меру сил отбиваясь от противников покрупнее, я принужден был громко воззвать к кому-нибудь из домочадцев, дабы пришли и восстановили мир.

Господин Хитклифф со слугой взбирались по подвальной лестнице с досадной флегматичностью; мне представляется, шаг их не ускорился ни на секунду, хотя вокруг очага стоял лай и положительно бушевала буря. По счастью, кухонная прислуга оказалась расторопней: дородная дама с заправленным подолом, оголенными руками и пылающими щеками ворвалась к нам на поле боя, размахивая сковородой; применив свое оружие, а равно свой язык, дама как по волшебству утишила ураган, и когда появился хозяин дома, на сцене пребывала она одна — волнуясь всем телом, точно море после шторма.

— Это что тут за дьявольщина? — осведомился господин Хитклифф, меряя меня взглядом, коего я после столь нерадушного приема снести не мог.

— Дьявольщина, иного слова не подобрать! — буркнул я. — Ваши твари, сэр, похуже стада одержимых свиней¹. Отчего ж было не оставить гостя в обществе тигров?

— Кто ничего не трогает, того и они не тронут, — заметил он, поставив передо мною винную бутылку и поправив сдвинутый стол. — Собаки молодцы, хорошо стерегут. Угодно вина?

— Нет, благодарю.

— Не покусали вас?

— Если бы покусали, так легко бы не отделались.

Лицо Хитклиффа расплылось в улыбке.

— Ну полноте, господин Локвуд, — молвил он, — вы переволновались. Вот, выпейте вина. Наш дом так редко навещают — я вполне готов признать,

¹ Аллюзия на: Мф. 8:28–33. — Здесь и далее прим. переводчика.

что мы с собаками едва ли помним, как надлежит оказывать гостям прием. Ваше здоровье, сэръ?

Наклонив голову, я ответил ему той же здравницей, сообразив, что глупо было бы сердиться на выходы собачьей своры; кроме того, не хотелось, чтобы этот человек и дальше находил во мне предмет для забавы, раз на него нашел подобный стих. Он — надо полагать, благоразумно рассудив, что незачем обижать хорошего жильца, — слегка оттаял и, уже не столь лаконически опуская местоимения и вспомогательные глаголы, поднял тему, коей предполагал меня заинтересовать, — а именно, заговорил о достоинствах и недостатках моего нынешнего места обитания. В беседе он явил острый ум; и перед отъездом я расхрабрился настолько, что испросил дозволения повторить визит назавтра. Было очевидно, что нового моего вторженья он не желает. Я тем не менее поеду. В сравнении с ним я на диво общителен.

Глава II

Вчера пополудни день заволокло туманом и холодом. Я отчасти склонялся не брести по вереску и грязи в Громотевицную Гору, а остаться в кабинете у камина. Однако, отобедав (N.B.: обедаю я в первом часу дня; экономка, почтенная женщина, прилагавшаяся к дому бесприменным его атрибутом, неспособна либо не желает постичь мою просьбу подавать обед в пять), взойдя по лестнице во власти помянутого стремленья к лени и вступив в комнату, я узрел служанку, что на коленях, обложившись щетками и ведерками для угля и поднимая адскую пыль, горами золы тушила пламя в камине. Зрелище сие тотчас погнало меня прочь; я взял

шляпу и, прошагав четыре мили, прибыл к садовым воротам Хитклиффа, как раз успев избежать первых пушистых хлопьев снегопада.

Почернелая земля на сей унылой вершине закаменела от мороза, и на холоде я дрожал каждым членом своим. Снять цепь мне не удалось, а посему я перескочил ворота, взбежал по мощеной дорожке, там и сям обсаженной крыжовником, и затем стучался в дверь, пока не заболели костяшки и не взвыли собаки; вотще.

«Будь прокляты обитатели сего дома! — про себя воскликнул я. — Столь грубой неприветливостью вы заслужили вечного отлученья от себе подобных. Я-то хотя бы не запираю двери днем. Все равно — внутрь я пробьюсь!» — Преисполнившись такой решимости, я схватился за дверную рукоять и рьяно потряс. Из круглого амбарного окошка высунул голову кислотикий Джозеф.

— Вы тутось чогой? — прокричал он. — Сам в овчарник шёл. Вам итить кругалем за пуню, коли с им охота побакулить.

— А внутри открыть некому? — ответно воззвал я.

— Никогой нетути, окромя оспожи, а вона не отмыкнет, хучь до темени тутось стукайте.

— Почему? А ты, Джозеф, не можешь передать ей, кто я?

— Вот уж нет уж! Не по мне забота, не мне работа, — пробубнила голова и скрылась.

Снег зарядил густо. Я сжал дверную рукоять, намереваясь предпринять новую попытку, и тут во дворе у меня за спиною появился юноша в рубаше и с вилами на плече. Он окликнул меня, и следом за ним я миновал прачечную и затем мощный двор, где обнаружили угольный сарай, насос и голубят-

ня, а в конце же концов прибыл в уютные теплые апартаменты, где меня принимали накануне. Комнату восхитительно озаряло громадное пламя в камине, где горели уголь, торф и поленья; а подле стола, накрытого к обильной трапезе, я не без удовольствия узрел «оспожу» — особу, о коей существовании прежде и не подозревал. Я поклонился и подождал, воображая, что она пригласит меня присесть. Она взглянула на меня и поудобнее откинулась на спинку кресла, после чего осталась бездвижна и безмолвна.

— Ну и погодка! — отметил я. — Боюсь, госпожа Хитклифф, дверь пострадала от последствий лениности вашей прислуги: уж как я старался, чтобы меня услышали.

Она и рта не раскрыла. Я взирал на нее — и она взирала: во всяком случае, глаза ее по-прежнему устремлялись на меня холодно и равнодушно, отчего я все более смущался и ерзал.

— Сядьте, — пробурчал юноша. — Он скоро возвратится.

Я подчинился; затем гмыкнул и окликнул злодейскую Юнону, каковая при сей второй аудиенции снизошла легчайше двинуть самым кончиком хвоста, признавая факт нашего знакомства.

— Прекрасное животное! — вновь заговорил я. — А с малышами вы расстанетесь, мэм?

— Они не мои, — ответствовала любезная хозяйка с неприязнью, каковая не под силу оказалась бы и самому Хитклиффу.

— А, так *это* ваши любимцы? — продолжал я, обернувшись к подушке в тени, где сгрудилось нечто похожее на кошек.

— Странные получились бы из них любимцы! — презрительно отметила она.

Увы, на подушке лежала кучадохлых кроликов. Я снова гмыкнул и перешел ближе к огню, повторив свое замечанье относительно вечерней непогоды.

— Нечего было выходить из дома, — сказала она, поднялась и потянулась за двумя расписными жестянками на каминной полке.

Прежде она сидела, укрывшись от света; теперь же я отчетливо разглядел ее фигуру и лицо. Была она стройна и, похоже, едва оставила девичьи годы позади; восхитительное сложенье и утонченнейшее личико, кои мне выпадала радость узреть, — мелкие, очень правильные черты; локоны соломенного или, говоря точнее, золотистого оттенка свободно спускались на тонкую шею; а глаза, будь их взгляд полюбезнее, стали бы неотразимы; по счастью для моего впечатлительного сердца, единственный сентимент, что они излучали, колебался меж презрением и безысходностью, категорически для них противоестественными. До жестянок она еле доставала; я шагнул было к ней, желая поспешествовать, но она накинулась на меня, точно скряга, коему предложили пособить в пересчете золота.

— Мне ваша помощь не нужна, — рявкнула она. — Сама справлюсь.

— Прошу меня извинить! — поспешно выпалил я.

— Вас звали к чаю? — спросила она, поверх опрятного черного платья завязав передник и замарев над чайником с ложкой сухой заварки.

— Я бы не отказался от чая, — ответил я.

— Вас звали? — повторила она.

— Нет, — сказал я, уже почти улыбаясь. — Но вы как раз можете меня позвать.

Она высыпала заварку в жестянку — туда же отправилась и ложка, — и в досаде уселась в кресло,